

УДК 14
ББК 87.52
В99

*Все права защищены. Перепечатка отдельных частей
и произведения в целом без письменного разрешения
владельцев прав запрещена.*

Издается по лицензии ООО «Издательство «Мир и Образование».

Вяземский, Ю. П.

В99 Вооружение Одиссея. Философское путешествие в мир эволюционной антропологии / Ю. П. Вяземский. — Москва : Издательство АСТ : Издательство «Мир и Образование», 2024. — 736 с.: ил. — (Образцовая литература).

ISBN 978-5-17-159001-7 (Издательство АСТ)

ISBN 978-5-94666-978-8 (Издательство «Мир и Образование»)

«Я предлагаю вам интеллектуальное вооружение — научное, художественное, религиозное — главным образом для самопознания и определения своего места в мировой истории и, если угодно, во всеобщей эволюции жизни. К своему читателю я обращаюсь как к спутнику в нашем совместном исследовательском восхождении, как к соратнику по интеллектуальному переживанию так называемых вечных вопросов, на которые, возможно, и ответов не будет, пока продолжается великая, увлекательная и многотрудная одиссея жизни.»

Это первая книга цикла «Девятимерный человек» философа, писателя, ученого, заведующего кафедрой мировой литературы и культуры МГИМО, автора и ведущего телеолимпиады «Умницы и умники» Юрия Вяземского.

**УДК 14
ББК 87.52**

ISBN 978-5-17-159001-7 (Издательство АСТ)

ISBN 978-5-94666-978-8 (Издательство «Мир и Образование»)

© Симонов Ю. П., 2022

© ООО «Издательство АСТ, обложка, 2024

© ООО «Издательство «Мир и Образование», 2024

*Моему учителю,
другу и отцу —
Павлу Васильевичу
Симонову*

ВСТУПЛЕНИЕ

Здравствуйтесь, уважаемые друзья, мои телезрители и, возможно, даже читатели!

Ум человеческий, похоже, имеет генетическое происхождение. То есть умным человеком надо прежде всего родиться.

Но этого недостаточно. Ум свой, умницу, который (или которая, или которое — слово это общего рода) живет в тебе от рождения, надо постоянно вооружать, желательно, начиная с раннего возраста.

Чем вооружать? Знаниями? Да, разумеется, знаниями, причем, желательно, самыми различными по глубине, широте и высоте над обычным.

Однако, и этого недостаточно. Надо постепенно научиться эти приобретенные вами знания сводить воедино, устраняя противоречия, которые неизбежно возникают у умного человека, соотнося накопленные знания с текущим моментом, с прошлым опытом и творческими предчувствиями и интеллектуальными ожиданиями. И главное — с пониманием самого себя, своих основных потребностей и личностных способностей. Иначе говоря, умному человеку надо мыслить системно, диалектически и исторически, соответствующим образом интеллектуально вооружившись.

Почти тридцать лет назад на основе психофизиологической теории моего биологического отца и моего научного наставника и Учителя академика Павла Симонова я приступил к созданию собственной оригинальной антропологической системы, во главу угла кладущей девять базовых потребностей, не только определяющих и объясняющих поведение и мышление человека, но, как представляется, обуславливающих самое движение жизни, эволюционное восхождение биологического мира и историческое развитие человечества. Эту культурно-философ-

ВСТУПЛЕНИЕ

скую систему я преподаю на разных факультетах Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России), а в последние годы и в других высших учебных заведениях России.

Книга, которую вы держите в руках, была впервые опубликована двадцать лет назад. Но, как я надеюсь, за исключением некоторых пассажей, ничуть не устарела, да и не могла устареть. Потому что она носит поисковый характер. То есть я предлагаю вам интеллектуальное вооружение — научное, художественное, религиозное — главным образом для самопознания и определения своего места в мировой истории и, если угодно, во всеобщей эволюции жизни. К своему читателю я обращаюсь как к спутнику в нашем совместном исследовательском восхождении, как к соратнику по интеллектуальному переживанию так называемых вечных вопросов, на которые, возможно, и ответов не будет, пока продолжается великая, увлекательная и многотрудная одиссея жизни. Вы для меня Одиссей — в первую очередь, а я, скорее, ваш спутник и, если угодно, оруженосец.

Об одном хочу заранее предупредить вас. В этой книге я попытался заложить онтологическую основу нашей с вами поисковой системы. А всякая философская онтология, как мне представляется, неизбежно грешит сложностью специального философского языка, без которого до сущностных глубин жизни, увы, не доберешься. Так что не извольте сердиться на автора, и если вдруг испытаете затруднение, советую: пролистните с десятков страничек — авось дальше будет проще и понятнее. Смее заверить вас: я теперь сам не всегда понимаю то, что у меня написано двадцать лет назад!

Обещаю, что следующие книги, которые я собираюсь предложить вашему вниманию, будут уже не онтологическими, а феноменологическими, то есть значительно проще. Но без этой книги, без той философской базы, которая в ней заложена, мы многое в них, будущих, не поймем.

Объявляю: следующая книга будет посвящена животным. А с них мы начнем наше восхождение к человеку.

*С уважением и благодарностью,
ваш Юрий Вяземский*

ПРОЛОГ

ВНИЗ И ВВЕРХ ОТ МАВЗОЛЕЯ, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ ГУМАНИТАРНОГО ВОСХОДИТЕЛЯ

И вот идет, тропинкою, по краю,
Между стеной кремля и местом мук,
Учитель мой, и я вослед ступаю.

Данте. Божественная комедия. Ад

И увидел во сне: вот, лестница
стоит на земле, а верх ее касается
неба; и вот, Ангелы Божии восходят
и нисходят по ней.

Быт. XXVIII, 12

— Да, во-первых, хотя для рус-
сизма: русские разговоры на эти те-
мы все ведутся как глупее нельзя
вести. А во-вторых, опять-таки чем
глупее, тем ближе к делу. Чем глу-
пее, тем и яснее... Ум подлец, а глу-
пость пряма и честна.

*Ф. М. Достоевский.
Братья Карамазовы*

Вот уже двадцать лет я задаю себе вопросы, на которые ответить пока не в состоянии.

§ 1 Началось это еще до так называемой перестройки. Шел я однажды по Гоголевскому бульвару в сторону метро «Кропоткинская». И на одном из газетных стендов — тогда их множество стояло по всей Москве, — на одном из таких стендов увидел иллюстрацию: длинная очередь выстроилась к Мавзолею Ленина. Над иллюстрацией крупным шрифтом было набрано: «К ЛЕНИНУ ЗА СОВЕТОМ». Сотни раз до этого я видел подобные фотографии, и подпись не отличалась по тем временам оригинальностью. Но на беду свою я изучал тогда религию Древнего Египта. И замер перед стендом, пораженный множеством вспыхнувших во мне мыслей и ощущений.

За советом к мумии?! Да нет, метафора, не совсем удачная, конечно, но ясно же, что образное журналистское выражение. Хотя какая, к черту, метафора! Тысячи людей ежедневно стояли в многочасовых очередях, чтобы поклониться этой мумии. По праздникам на трибуне мавзолея торжественно появлялись вожди империи, жрецы единственно верной в мире научной идеологии всего прогрессивного человечества. Когда-то на этой трибуне стоял Великий, Ужасный, Мудрейший, Любимейший, Божественный. И ночью в апреле 1961 года на Красную площадь приехал, и вошел в мавзолей, и попросил благословения у мумии, а потом отправился на космодром и впервые в истории человечества взлетел в космос и в вечность человеческой памяти Юрий Гагарин... Метафора?!

И мавзолей словно ступенчатый, как древняя пирамида Джосера, египетского фараона 3-й династии. И перед каждым крупным началом именно к мумии и натурально за советом приходили в Древнем Египте: благословит — начнем, неблагоприятные будут предзнаменования — отложим до лучших времен. Да и бальзамировали тело Ленина чуть ли не по египетским рецептам. И даже в имени почти что совпадение... «И сказал фараон Иосифу: вот, я поставляю тебя над всею землею Египетскою. И снял фараон перстень свой с руки своей, и на-

дел его на руку Иосифа... велел везти его на второй из своих колесниц и провозглашать пред ним: преклоняйтесь!»¹. Ветхозаветный Иосиф стал вторым человеком после фараона — наш Иосиф сам себя офараонил и обожествил, в строгом, заметьте, соответствии с древнеегипетскими религиозными представлениями, по которым фараон — не просто царь, не просто царь и жрец, не просто царь, жрец и сын божий, а царь, жрец, сын божий и бог, бог прежде всего! Земной бог, без приказа которого и Нил не разольется, и поля плодоносить не будут, и «никто не двинет ни руки своей, ни ноги своей, во всей земле Египетской»².

А когда умер наш Иосиф, «столица безмолвствовала, сердца скорбели... придворные сидели, склонив голову, народ стенал»; «меркнут звезды, небо к земле приникло...» — кто из свидетелей похорон Сталина описал их столь красочно, как это сделал древний египетский писец?³

О том, что марксизм, дополненный, а точнее, искаженный ленинизмом, в нашей стране превратился в своего рода религию, уже в 1920—1930-х годах писал Николай Бердяев. Русское христианство, дескать, изначально заключало в себе некие коммунистические предпосылки, вернее, русское религиозное сознание было предрасположено к тому, что с приходом к власти большевиков проявилось вдруг с уничтожающей своей стороны, вспыхнуло любовью-ненавистью, взорвалось взаимопожирающими противоречиями, рабское смирение обернулось вселенским бунтом, топор взметнулся над иконой, народ-богоносец, воспетый русскими писателями и философами XIX века, вдруг такого «русского бога» преподнес миру, что плач и скрежет зубовой наполнили сначала всю Россию, а затем апокалиптическим ужасом повеяло на юг, на запад и на восток... Что толку пересказывать — читайте «Истоки и смысл русского коммунизма».

И едва началась так называемая перестройка, многие стали читать и перечитывать, и все в один голос закричали: религия, ох, страшная какая религия! О ней, кстати, еще до Бердяева предупреждал Достоевский, писавший обер-прокурору Святейшего синода Победоносцеву: «...мы говорим прямо: это сумасшествие, и между тем у этих сумас-

шедших своя логика, свое учение, свой кодекс, *свой Бог даже* (курсив мой. — Ю. В.), и так крепко засело, как крепче нельзя»⁴.

Но чем дальше я читал и вчитывался, тем больше во мне возникало вопросов, на которые ни Бердяев, ни Достоевский ответить мне не могли. И я сейчас эти вопросы постараюсь перечислить, ибо они-то и перегородили русло моей писательской жизни, заставили отложить в сторону задуманные романы, повести и пьесы.

§ 2 Эта новая и страшная религия, откуда она пришла? Почему именно в России проявилась? Каковы составные элементы этой коммунистической религии, которую Бердяев, кстати сказать, лишь провозгласил, но которую систематически ни он, ни кто другой, о религиозности коммунизма (марксизма-ленинизма-сталинизма) твердящий, описать не потрудился; то есть каковы ее мифика, теология, литургия, агиография, гомилетика, эсхатология и так далее? И одна ли то религия — ленинизм и сталинизм, а может быть — совершенно разные? Ленин-то фараоном не был, мавзолеем себе не строил и вообще, если уж сравнивать его с библейскими образами, скорее похож был на Иисуса Навина, верного сподвижника Моисея, ведшего израильский пролетариат на завоевание Земли Обетованной.

То есть для того чтобы исследовать одно из ужаснейших религиозных помрачений XX века, недостаточно искать его корни в христианстве, надобно многим глубже опуститься, из Нового Завета в Завет Ветхий, потрудиться заглянуть в бездну исторического прошлого, куда Бердяев заглядывать не стал. Не счел нужным? Не захотел? Убоялся?

§ 3 Возможно ли религиозное движение вспять? Как оно рождается, какие знамения ему сопутствуют, как видоизменяются люди, идущие против течения религиозной жизни? Ленин ли повел Россию в Землю Обетованную, а на самом деле назад, в пустыню, к фараонам и рабству египетскому? А может статься, движение зародилось многим раньше — при Петре, при Иване Третьем? А вдруг идти вспять и не требовалось по простой и страшной причине, что Россия-Русь христианской никогда и не была, а всю свою историю блуждала между

ВНИЗ И ВВЕРХ ОТ МАВЗОЛЕЯ, ИЛИ
РАЗМЫШЛЕНИЯ ГУМАНИТАРНОГО ВОСХОДИТЕЛЯ

Египтом и Мертвым морем, и лишь чудилось ей, что христианская она, фатой-морганой от голода и тоски возникал перед ней идущий впереди не то Ангел Господень, не то сам Иисус Христос...

Так идут державным шагом —
Позади голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — ...⁵

...У Блока-то впереди явно Антихрист. Ну, в крайнем случае, Иисус Навин, кровавый завоеватель Палестины, боговдохновенный убийца «нечистых» народов.

Какой-то монах сочинил, и все с тех пор повторяли: Москва — Третий Рим. А вы уверены, что таки Рим, а не Вавилон с его апокалиптической Блудницей, сидящей на спине Зверя, или Мемфис с мумиями владык, любовью-ужасом к фараону и людьми-винтиками, людьми-номерами, торжественно и монолитно марширующими безликими массаами, муравьиными полчищами, заключенными в абсолютную власть Благодетеля, но радостными, упоенными своей личной кабалой и вместе с тем своей коллективной свободой от прошлого и будущего, от греха и раскаяния, от любви и сострадания, от совести, от Бога? И это не Сталин теоретически обосновал, не Оруэлл с Замятым описали в своих романах-антиутопиях, не Достоевский предрек в «Бесах», — такое состояние души, такую манкуртову радость тел и сердец культивировали пять тысяч лет назад в том же Египте; так, в частности, строили первейшее и грандиознейшее из чудес света — пирамиду Хеопса.

Но вот рассеялось сатанинское наваждение, и что теперь? Как нам теперь из духовной пустыни выбираться? Что ждет Россию впереди? Какое у нее будущее? Есть ли оно вообще?

§ 4 Лев Гумилев и Константин Леонтьев, не сговариваясь между собой, вроде бы подсказывают, что средняя продолжительность жизни нации — 1200 лет. Тысячелетие крещения Руси мы отметили. Стало быть, меньше двухсот лет нам осталось? И эти жалкие годы еще и потому жалкие, что старческие, когда все болит, ноги с трудом носят, давление, одышка, частые переломы, по утрам жить не хочется, а ночью бессонница и мысли о скорой смерти...

Вы оптимист по натуре? Тогда я иначе напишу: китайская империя вот уже три тысячи лет существует, и конец ее не только не близок, но в XXI веке ей пророчат роль ведущей сверхдержавы мира. И кто сказал, что исторический счетчик жизни России начал работать непременно со дня крещения? Можно включить его с Ивана Третьего, можно — с Петра. Если с Петра начать отсчет (а почему бы и нет? ведь именно с него началась Российская империя), то мы еще ничего, мы еще в самом начале, на берегу пустынных волн дум великих полны стоим и... послушайте! мы ведь тогда почти ровесники юной и всемогущей Америки!

И наконец, с какой стати мерить общим аршином Россию, когда сказано: умом не понять, особая статья у нас, и в Россию только верить можно!

Но как прикажете верить? В какой системе религиозных координат? — Разумеется, христианских! Тютчев поэт глубоко и искренне православный! Будем верить, раз Тютчев велел.

Но ведь в Евангелии тоже сказано: все простится человекам, если покаются, и блуд, и братоубийство, гордыня и уныние, гнев и насилие; не простится лишь хула на Духа Святого, ни в этом веке, ни в будущем. Самим Христом сказано! А тут Россия — чемпион. Ни одна из известных мне стран в XX веке так радостно, так самоотверженно, так самоупоенно не хулила именно Духа Святого... И когда любящие нашу Родину и страждущие за нее люди горестно восклицают: за что многострадальной России такие тяжкие испытания? — ей-ей, так и скачет на язык: вы что, православные мои, Евангелия не читали? И чего хнычете, когда единственный грех, который *никогда* не простится, мы с вами так люто и сладострастно совершили и не похоже,

чтобы раскаялись, учитывая миллионы голосов, постоянно отдаваемых за коммунистов?!

Судьба России.

А есть ли у нее теперь вообще судьба?

§ 5 И что такое судьба народа, наций, страны, государства? Насколько она от Бога уготована и насколько определяется людским своеволием, поступками правящей элиты, широкими народными движениями, самым укладом национальной жизни и национальной психологией? Ну, скажем, Ленин и Сталин — предопределены или произвольны, случайны, синергичны?

Чем судьба России отличается от судьбы, скажем, Германии, или Испании, или Китая, или Америки? Что отличается — несомненно. Но чем конкретно? Как эти отличия выявить и описать? Какими аршинами мерить? Как создать эти германский, китайский, русский и прочие аршины и по какой системе, когда общего аршина, по Тютчеву, нет?

А вдруг все-таки есть, и Маркс и Тойнби правы в том, что аршин этот всемирно-исторический искали. А Данилевский и Шпенглер в целом, увы, заблуждались, утверждая, что так называемые культурно-исторические типы замкнуты в себе и нет никакого общего всемирно-исторического движения, есть лишь самостийное бытие этих культурно-национальных макросуществ, которые рождаются, развиваются и умирают, почти ничего друг от друга не перенимая.

Вот ведь, помню, беседовал я однажды с одним английским профессором, и он на полном серьезе убеждал меня, что мы, русские, ничего в Чехове не понимаем, не любим его и ставим на сцене не так, как должно его ставить, ибо Чехов скорее западноевропейский гений и без него западноевропейский театр вот уже полвека не может существовать; вообще, ежели начистоту, то Чехов — намного больше англичанин, немец или скандинав, чем русский. Я тогда, помнится, расстроился, что у России теперь отбирают уже и Чехова, и стал встречно обвинять англичан в том, что они, как мне кажется, пренебрегают Шекспиром. Но английский профессор вдруг радостно вос-

кликнул: шут с ним, с Шекспиром, берите его себе! «Шекспир — отталкивающе русский драматург», — я точно помню, он именно так и выразился.

А что за культурно-историческое явление учинил в японском кино режиссер Акира Куросава, экранизовав несколько романов Достоевского? Самураи какие-то рычат и скачут по экрану, а Куросава писал, что великий Достоевский помог ему прозреть сокровенные глубины японского национального духа.

Стало быть, есть этот общий аршин, раз Достоевский укореняется в культуре Японии, а Чехов составляет основу западного театра?

Попробуйте без уважения ко всеобщему технологическому аршину создать такую вроде бы простую вещь, как автомобиль. «Мерседес», «Форд», «Рено», «Вольво», «Тойота» — все они как будто бы культурно-национальны, то есть отличаются друг от друга (автомобилист меня поймет) и формой, и звуком, и ритмом, и запахом, и даже, если угодно, нравом. Все — разные. Но все они словно утрачивают культурно-исторические различия и становятся в общий ряд, едва из-за поворота, во всей своей национальной самобытности звука, запаха и нрава, выезжает, ну, скажем, «Волга»... «Из далека долго течет река Волга»... Получается, что «Мерседес», «Вольво», «Тойота» могут быть измерены общим аршином автомобильной культуры, а «Волга» — нет, не может. В нее только верить можно, без истовой веры на ней далеко не уедешь.

А не потому ли все это, что «Волга» — не культура, а бескультурие?

И, может статься — да простит меня замечательный поэт Тютчев, — он потому так не советовал мерить Россию общим аршином, что подсознательно чувствовал: не доросла она еще до этого всеобщего измерения, осрамится, если эдак всемирно ее начнут измерять; вот и предлагал верить, что когда-нибудь дорастет, и тогда можно будет измерить и не оскандалиться.

§ 6 Монолитна ли культура человеческая или распадается на несколько уровней, слоев, этажей и, помимо духовной культуры, есть еще культура экономическая, культура политическая, культура быта, культура общения? И сколько этих уровней и этажей? И в ка-

ком взаимодействии они пребывают? Могут ли существовать друг без друга? Может ли опустившийся в бытовом отношении человек воспринимать Достоевского, Шекспира? А вдруг именно он, невымытый, пьяненький, полубездомный, одним словом, мармеладовский, он-то и есть радостный потребитель и благодатный восприемник культуры духовной, а какой-нибудь голландец или немец, который вылизывает тротуар перед домом, у которого сортир как музей, а кухня как храм, тот в лучшем случае до фольклора дотянется, на празднике народно попляшет и на свадьбе национально споеет, а так называемая Высокая Культура ему ни к чему, ибо ничего она не даст ни сортиру его, ни кухне, ни тротуару перед домом?

«Что для русского потеха, то для немца — смерть». Это, между прочим, про наши общественные сортиры. И не потому ли в XIX веке Россия достигла таких всемирных высот духовной культуры, что плевать ей было на свои сортиры, на свои дороги, кабаки свои?

Может быть, мешают чистые тротуары и «грязная политика» Высокой Культуры? Толстой считал, что мешают, и бежал от мерзости городов в Ясную Поляну, землю пахал, жил по-крестьянски, политику презирал. А Гете ел на серебре, пил из хрусталя самое дорогое шампанское, в герцогстве своем был премьер-министром. Но я бы побоюсь утверждать, что в области духовной культуры, во влиянии на мировую литературу Гете уступал Толстому: по меньшей мере, равные духовные величины. По меньшей мере, говорю, ибо Гете был еще и выдающийся ученый и, живи он в наше время, мог бы получить Нобелевскую премию по биологии за открытие, например, межчелюстной кости.

Шекспир, насколько известно, занимался предпринимательством и попутно писал «Гамлета», «Отелло», «Макбета», «Короля Лира».

§ 7 И что такое Высокая Культура? Что туда входит? Искусство вроде бы — наверняка.

А наука? У нас премии дают «в области науки и культуры», и есть у нас Академия наук и Министерство культуры. Значит, наука — не культура?

ПРОЛОГ

И если искусство безусловно — Высокая Культура, то Алла Пугачева — это что такое? Явление, входящее в ту же категорию, что Моцарт и Пушкин?

И куда отнести Богдана Титомира, Мадонну, группу «Ногу свело»? Массовая культура? А что это такое — «массовая культура»? Культура для масс, для *простого* народа? А Пушкин что, для «сложного» народа писал? И Шекспир разве не ставил свои пьесы почти исключительно в так называемых общедоступных театрах, где основную массу зрителей составляли торговцы, ремесленники, солдаты и проститутки? А на трагедии Эсхила, Софокла, Еврипида собирались поглазеть все Афины, от мала до велика. Выходит, что Софокл с Еврипидом — самые массовые из известных в истории культуры, а «Ногу свело» — нечто чуть ли не суперэлитарное.

И почему Рафаэль, Моцарт, Толстой — Высокая Культура, а Перикл, Александр Македонский, Юлий Цезарь, Наполеон — нечто совсем внекультурное и даже... «грязное дело, как всякая политика»? Тогда почему и с какой стати мы целые эпохи в истории человечества называем именами этих «грязных дельцов»? «Эпоха Наполеона», говорим мы, и сразу вырисовывается культурная картина: Гете, Гегель, Бетховен. Обратите внимание, не Наполеон жил при Гете, Гегеле и Бетховене, а они — при Наполеоне!

А Ротшильд, Рокфеллер, Форд, Билл Гейтс — разве это не культура?

И кто определил, что лучше жить в хлеву и иметь своего Достоевского, чем жить опрятно, сыто, бережливо, но своего Достоевского не иметь?

И противоречит ли один этаж, один уровень культуры другому? Антагонистично ли это противоречие? В России вроде бы антагонистично. Но в V веке до Р. Х. в Афинах экономика процветала, политической жизнью руководил великий правитель и демократ Перикл, в доме которого по вечерам собирались отец истории Геродот, отец скульптуры Фидий, патриарх драматургии Софокл, великие архитекторы Иктин и Калликрат и некоторые другие представители Высокой Культуры (среди них еще молодые и неизвестные Еврипид и Сократ); и все они считали себя друзьями «грязного политика» Перикла, и поч-